

паннонском Житии Константина-Кирилла.¹² Там, как известно, говорится, что автором этой похвалы был сам первоучитель славянства. Вскоре после этого Драгутин Костиц, исследуя «Память» Константину-Кириллу и стихиры из службы Мефодию, не только бесспорно установил их стихотворную природу, но и расшифровал акrostихи, из которого можно узнать, кто был автором службы Мефодию: «Добро, Методи, та поѣж, Константин(ъ)» (Константин Преславский, автор «Азбучной молитвы» и «Учительного евангелия»)).¹³

В послевоенные годы за рубежом появились научные издания некоторых древнейших памятников славянской гимнографии, а также научные работы о старославянском стихе и связи его с музыкой, а также о связи славянских переводов с византийскими оригиналами.¹⁴ Представления о церковнославянских стихотворениях и о количестве их, о соотношении с литургической музыкой и о принципах старославянского стихосложения со времен А. И. Соболевского значительно изменились или во всяком случае чрезвычайно усложнились.

Уже первые исследования установили, что старославянское стихосложение основано на одной из современных ему византийских стихотворных систем: это копия так называемой политической системы, которая базируется на равносложности всех стихотворных строк (стихов), обычно имеющих цезуру. Каждый стих имеет женское окончание, внутри же каждой стихотворной строки расстановка акцентов более или менее свободна.¹⁵

Церковнославянские поэты пользовались стихотворными строками разной длины: и 12-сложными с цезурой после пятого или после шестого слога (последний вариант, как показал Р. О. Якобсон, это славянская модификация, вызванная стремлением к уподоблению первого полустишия второму); употребителен 11-сложный стих, по-видимому, это частный случай эволюции византийского политического стиха на славянской почве. Здесь конечная часть первого полустишия ориентируется на конечную часть полустишия второго, а концы полустиший в византийской политической системе несут особенно большую ритмико-смысловую нагрузку.

В те времена, когда А. И. Соболевский «открывал» первые церковнославянские стихи, безоговорочно считалось, что если в одном и том же поэтическом тексте встречаются строки разной длины, например из одиннадцати и двенадцати слогов, то это, несомненно, говорит о недостаточной сохранности текста. Однако дальнейшие исследования показали, что это положение не соответствует действительности. Во-первых, уже в ранних работах Р. О. Якобсона было установлено, что длина стихов в различных случаях может быть различной, причем амплитуда этих колебаний очень велика. В качестве примера приведу великолепное стихотворение «Ангели възиграйте сла», восстановленное Р. О. Якобсоном по тексту Порфирьевского листа:

¹² Напомним, что вообще в кирилло-мефодиевской агиографии, особенно в самых ранних версиях их житий, все чаще находят стихотворные цитаты. Ср., например, пассажи, написанные гекзаметром, в том же паннонском Житии Константина-Кирилла (ср.: R. Burgi. A history of the Russian hexameter. Yale University, 1954, стр. 5—8).

¹³ Dragutin Kostić. Бугарски епископ Константин — писац службе св. Методију. Byzantinoslavica VII. Praha, 1937—1938, стр. 189—211.

¹⁴ Перечень и оценку этих работ см.: Roman Jakobson. The slavic response to byzantine poetry. — XII-e Congrès international des études byzantines. Ochride, 1961, Rapports VIII, стр. 249—265.

¹⁵ О византийском стихосложении см., например: K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. 2 Aufl. München, 1897, стр. 655—705.